

Scientific article
IRSTI 21.41.67

<https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-155-2-130-151>

RELIGIOSITY AND DEMOGRAPHIC BEHAVIOR IN THE UNITED STATES, EUROPE, AND RUSSIA: A THEMATIC LITERATURE REVIEW AND SECONDARY DATA ANALYSIS BASED ON CHRISTIANITY

^a*Albina DUISSENBAYEVA* , ^b*Ruslan AITKUZHIN* ✉ , ^b*Khanzada SUTEEVA*

^a*Egyptian University of Islamic Culture Nur-Mubarak, Almaty, Kazakhstan*

^b*Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan*

✉ sooosad09@gmail.com

Abstract. The article examines the relationship between religiosity and demographic behavior in the United States, Europe, and Russia using Christianity as a case study. The relevance of the study is determined by the transformation of religious institutions, changes in family values, and declining fertility rates in a number of developed societies. The aim of the article is to identify how religious affiliation, religious practice, and the institutional influence of religion are associated with fertility rates and family behavior in different regional contexts. The study compares the approaches of P. Jenkins, D. Voas, N. Peri-Rotem, K. McQuillan, A. Adsera, and other scholars, and also uses open demographic and sociological data from international research centers. It is shown that the influence of religiosity on fertility is not universal: in the United States, religion continues to play a significant role in family behavior; in Europe, its influence is manifested primarily among practicing believers; while in Russia, the growth of nominal religiosity does not lead to a direct increase in demographic indicators. The article concludes that, when analyzing demographic processes, it is necessary to distinguish between nominal religious identity, regular religious practice, and the institutional role of religion.

Keywords: religiosity; demographic behavior; fertility rate; Christianity, secularization.

For citation:

Duissenbayeva, A., Aitkuzhin, R., & Suteeva, K. (2026). Religiosity and demographic behavior in the United States, Europe, and Russia: A thematic literature review and secondary data analysis based on Christianity. *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*, 155(2), 131-151. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-155-2-130-151>

ХРИСТИАНДЫҚ МЫСАЛЫНДА АҚШ, ЕУРОПА ЖӘНЕ РЕСЕЙДЕГІ ДІНДАРЛЫҚ ПЕН ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚ: ӘДЕБИЕТКЕ ТАҚЫРЫПТЫҚ ШОЛУ ЖӘНЕ ДЕРЕКТЕРДІ ҚАЙТАЛАМА ТАЛДАУ

^aАльбина ДУЙСЕНБАЕВА, ^bРуслан АЙТКУЖИН, ^bХанзада СУТЕЕВА

^a Нұр-Мұбарак Египет ислам мәдениеті университеті, Алматы, Қазақстан

^b Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В США, ЕВРОПЕ И РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ХРИСТИАНСТВА: ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ

^aАльбина ДУЙСЕНБАЕВА, ^bРуслан АЙТКУЖИН, ^bХанзада СУТЕЕВА

^a Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак, Алматы, Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

Аңдатпа. Мақалада христиандық мысалында АҚШ, Еуропа және Ресей халқының діндарлығы мен демографиялық мінез-құлқының өзара байланысы қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі діни институттардың трансформациясымен, отбасылық ұстанымдардың өзгеруімен және бірқатар дамыған қоғамдарда туу деңгейінің төмендеуімен айқындалады. Мақаланың мақсаты — әртүрлі өңірлік контекстерде діни тиістілік, діни практика және діннің институционалдық ықпалы туу көрсеткіштерімен және отбасылық мінез-құлықпен қалай байланысатынын анықтау. Жұмыста Ф. Дженкинс, Д. Воас, Н. Пери-Ротем, К. МакКуиллан, А. Адсера және басқа да зерттеушілердің тәсілдері салыстырылып, халықаралық зерттеу орталықтарының ашық демографиялық және әлеуметтанулық деректері пайдаланылды. Діндарлықтың туу деңгейіне ықпалы әмбебап сипатқа ие емес екені көрсетілді: АҚШ-та дін отбасылық мінез-құлықта елеулі рөлін сақтаса, Еуропада оның ықпалы негізінен діни практиканы тұрақты ұстанатын сенушілер арасында байқалады, ал Ресейде номиналды діндарлықтың өсуі демографиялық көрсеткіштердің тікелей артуына алып келмейді. Демографиялық процестерді талдау барысында номиналды діни бірегейлікті, тұрақты діни практиканы және діннің институционалдық рөлін ажырату қажеттігі туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: діндарлық, демографиялық мінез-құлық, туу көрсеткіші, христиандық, секуляризация.

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь религиозности и демографического поведения населения США, Европы и России на примере христианства. Актуальность исследования обусловлена трансформацией религиозных институтов, изменением семейных установок и снижением рождаемости в ряде развитых обществ. Цель статьи — выявить, каким образом религиозная принадлежность, религиозная практика и институциональное влияние религии соотносятся с показателями рождаемости и семейного поведения в различных региональных контекстах. В работе сопоставлены подходы Ф. Дженкинса, Д. Воаса, Н. Пери-Ротем, К. МакКуиллана, А. Адсеры и других исследователей, а также использованы открытые демографические и социологические данные международных исследовательских центров. Показано, что влияние религиозности на рождаемость не является универсальным: в США религия сохраняет заметную роль в семейном поведении, в Европе её влияние проявляется преимущественно среди практикующих верующих, а в России рост номинальной религиозности не приводит к прямому повышению демографических показателей. Сделан вывод о необходимости различать номинальную религиозную идентичность, регулярную религиозную практику и институциональную роль религии при анализе демографических процессов.

Ключевые слова: религиозность, демографическое поведение, рождаемость, христианство, секуляризация.

Дәйексөз үшін:

Дуйсенбаева, А., Айткужин, Р., & Сутеева, Х. (2026). Христиандық мысалында АҚШ, Еуропа және Ресейдегі діндарлық пен демографиялық мінез-құлық: әдебиетке тақырыптық шолу және деректерді қайталама талдау. *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*, 155(2), 131-152. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-155-2-130-151>

Для цитирования:

Дуйсенбаева, А., Айткужин, Р., Сутеева, Х. (2026). Религиозность и демографическое поведение в США, Европе и России на примере христианства: тематический обзор литературы и вторичный анализ данных. *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*, 155(2), 131-152. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-155-2-130-151>

Введение

Исследование религиозно-демографических процессов становится особенно актуальным в эпоху глобализации, изменений социальных ценностей и миграционных потоков. В различных регионах мира наблюдаются различные тенденции в динамике религиозности и её влиянии на рождаемость. Хотя в западных странах секуляризация становится доминирующим процессом, религиозность остаётся значимым фактором, влияющим на семейные установки и демографическое поведение. Недостаток комплексных исследований, рассматривающих взаимодействие религии и демографии в США, Европе и России, определяет необходимость более детального анализа этой проблемы.

Объектом исследования являются религиозные и демографические процессы в США, Европе и России.

Предмет исследования – влияние религиозных доктрин и религиозной идентичности на демографические показатели.

Целью работы является выявление взаимосвязи между уровнем религиозности населения и рождаемостью, а также анализ влияния религиозных институтов на формирование семейных ценностей.

Задачи исследования:

- 1) провести анализ существующих теоретических подходов к изучению религиозно-демографических процессов;
- 2) изучить влияние религиозных институтов на показатели рождаемости;
- 3) сопоставить данные о религиозности и демографии в США, Европе и России;
- 4) выявить тенденции и факторы, влияющие на трансформацию религиозных и демографических процессов.

Исследование основано на следующих ключевых вопросах:

- Как изменяется уровень религиозности в США, Европе и России?
- Влияет ли религиозность на демографические показатели, такие как рождаемость и семейные установки?
- В каких регионах влияние религии на демографические процессы сохраняется наиболее значительным?

Выдвигаемая гипотеза заключается в том, что религиозность оказывает влияние на демографическое поведение населения, но его степень зависит от уровня институционального влияния религии в обществе.

Авторский вклад статьи заключается в сопоставлении трёх региональных моделей религиозно-демографической связи: институционально-общинной модели США, селективно-практической модели Европы и номинально-идентификационной модели России. Такой подход позволяет показать, что религиозность влияет на демографическое поведение не напрямую, а через степень религиозной практики, общинной включённости, религиозной социализации и институционального влияния религии.

Несмотря на значительное количество работ, существуют несколько недостаточно изученных аспектов:

1. Религиозность и демографическое поведение в постсоветских странах. Большинство исследований сосредоточены на Западной Европе и США, тогда как влияние православия и ислама на рождаемость в России и странах СНГ изучено слабо.
2. Различия внутри конфессий. Хотя существует ряд работ, рассматривающих разницу между католиками и протестантами, влияние внутренних течений (например, евангельских христиан) остаётся малоизученным.
3. Долгосрочные прогнозы. Многие исследования основаны на данных середины 2000-х годов, что делает необходимым обновление моделей с учётом последних демографических трендов и миграции.

Данный обзор литературы показывает, что влияние религиозности на демографическое поведение является сложным и зависит от множества факторов. Исследование восполняет существующие пробелы, анализируя влияние религиозных институтов на рождаемость в различных регионах, включая постсоветское пространство, и рассматривая взаимосвязь между религиозной идентичностью, практикой и демографическими показателями.

Материалы и методы

Исследование выполнено в формате тематического обзора литературы с элементами вторичного анализа открытых демографических и социологических данных. Теоретическую основу составили работы, посвящённые взаимосвязи религиозности, религиозной практики, семейных установок и рождаемости. В анализ включены исследования Ф. Дженкинса, Д. Воаса, Н. Пери-Ротем, К. МакКуиллана, А. Адсеры, Э. Кауфмана, Д. Филипова, К. Бергхаммера, а также российских авторов, рассматривающих религиозную социализацию и демографическое поведение в постсоветском контексте.

Эмпирическая часть статьи основана на вторичных данных PEW Research Center, ООН, European Social Survey, Generations and Gender Programme, British Household Panel Survey и других открытых статистических источников, использованных в анализируемых публикациях. В работе применены сравнительный анализ, тематическая группировка научных подходов, контент-анализ публикаций и сопоставление вторичных демографических данных по США, Европе и России.

Логика анализа включала три этапа. На первом этапе были выделены основные теоретические подходы к объяснению влияния религии на рождаемость. На втором этапе проведено сопоставление региональных моделей религиозно-демографического поведения в США, Европе и России. На третьем этапе проанализированы ограничения демографических прогнозов и выявлены факторы, способные изменять связь между религиозностью и рождаемостью: миграция, государственная семейная политика, социально-экономические кризисы, уровень религиозной практики и степень институционального влияния религии.

Для усиления сопоставимости региональных материалов была использована единая аналитическая рамка. Религиозность рассматривалась не как однородный показатель, а как совокупность нескольких уровней: номинальной религиозной идентичности, регулярной религиозной практики и институционально поддержанной религиозности. При анализе каждого региона учитывались четыре критерия: во-первых, преобладающий тип религиозности; во-вторых, механизм её возможного влияния на демографическое поведение; в-третьих, социально-институциональный контекст, в котором действует религиозный фактор; в-четвёртых, характер связи между религиозностью и рождаемостью. Введение подобной аналитической рамки позволяет избежать прямолинейного сопоставления уровня религиозности и фертильности и перейти к анализу посредующих факторов, через которые религия может влиять на семейное и репродуктивное поведение.

На основе рассмотренных подходов в данной статье предлагается рассматривать религиозность как фактор, демографическое значение которого зависит от степени его институционализации. Если религиозность существует преимущественно как культурная самоидентификация, её влияние на рождаемость оказывается ограниченным. Если она выражается в регулярной практике и включённости в религиозную общину, её влияние усиливается через нормы брака, родительства и семейной солидарности. Если же религиозные институты взаимодействуют с государственной семейной политикой, религиозный фактор может приобретать дополнительное значение в регулировании демографического поведения. Именно эта логика используется далее при сравнении США, Европы и России.

Для визуализации сопоставляемых данных и технического построения таблиц и графиков использовались цифровые инструменты, в том числе ИИ-инструменты. Отбор источников, содержательный анализ, интерпретация данных и формулирование выводов осуществлялись авторами исследования.

Теоретико-методологические подходы к объяснению связи религиозности и демографического поведения

Проведённый обзор позволяет выделить три основные исследовательские модели объяснения связи религиозности и демографического поведения. Первая модель, представленная в работах К. МакКуиллана и А. Адсеры, рассматривает религию как институциональный механизм регулирования семейного поведения: влияние религии проявляется через нормы, общинный контроль, поддержку семьи и регулярную религиозную практику. Вторая модель, представленная в исследованиях Д. Воаса и Н. Пери-Ротем, акцентирует внимание на различии между номинальной и практикующей религиозностью; в рамках данного подхода

сама религиозная принадлежность не является достаточным фактором рождаемости, если она не сопровождается устойчивой религиозной практикой. Третья модель, представленная в работах Ф. Дженкинса и Э. Кауфмана, связывает демографические изменения с глобальной трансформацией религиозного пространства, миграцией и различиями между секуляризованными и более традиционными обществами. Сопоставление этих подходов показывает, что религиозность влияет на рождаемость не напрямую, а через совокупность посредников: силу религиозных институтов, характер религиозной социализации, степень включённости в общину, семейную политику государства и социально-экономические условия. Следовательно, анализ религиозно-демографического поведения требует не простого сопоставления уровня религиозности и фертильности, а учёта того, какой именно тип религиозности преобладает в конкретном обществе — номинальный, практикующий, институционально поддержанный или культурно-идентификационный.

Глобальная рамка: демографический сдвиг христианства и ограничения прогнозов

Одной из исходных теоретических рамок для анализа религиозно-демографических процессов является концепция Ф. Дженкинса, представленная в работе *The Next Christendom*. Автор показывает, что современное христианство уже не может рассматриваться преимущественно как религия западного мира. Его демографический и институциональный центр постепенно смещается из Европы и Северной Америки в страны Африки, Латинской Америки и частично Азии. В этом контексте Дженкинс противопоставляет христианский «Север», характеризующийся старением населения, снижением рождаемости и секуляризацией, христианскому «Югу», где сохраняются более высокая фертильность, молодая возрастная структура населения и значимая роль религиозных институтов в общественной жизни (Jenkins, 2011: 1–3).

Значение подхода Ф. Дженкинса для настоящего исследования заключается не только в фиксации географического сдвига христианства, но и в постановке более широкой проблемы: демографическая динамика религиозных групп зависит от взаимодействия нескольких факторов — рождаемости, возрастной структуры, миграции, устойчивости религиозных общин, адаптации религии к локальным культурам и политико-экономической стабильности. Поэтому прогнозы Дженкинса целесообразно рассматривать не как линейное предсказание будущего, а как аналитическую гипотезу, требующую проверки на последующих данных.

Таблица 1

Прогноз численности населения крупнейших стран мира в 1975–2050 гг. по данным, использованным Ф. Дженкинсом

Страны	1975	2000	2025	2050
1 Индия	619	1006	1396	1657
2 Китай	918	1264	1395	1304
3 США	215	282	358	439
4 Индонезия	135	214	279	313
5 Пакистан	76	152	228	291
6 Эфиопия	33	64	140	279
7 Нигерия	64	123	197	264
8 Бразилия	109	176	231	261
9 Бангладеш	76	132	198	250
10 Конго	25	52	110	189
11 Филиппины	44	81	129	172
12 Мексика	61	100	130	148
13 Египет	37	65	104	138
14 Уганда	11	24	57	128

15 Вьетнам	48	79	102	111
16 РСФСР - Россия	135	147	128	109
17 Турция	41	67	90	101
18 Иран	33	69	90	100
19 Судан	16	34	63	97
20 Япония	112	127	118	94

Данные, представленные в таблице 1, позволяют увидеть, на чём строится логика прогноза Ф. Дженкинса. Наиболее высокие темпы прироста ожидаются в странах Африки и Южной Азии — Нигерии, Эфиопии, Уганде, Пакистане, Бангладеш, Конго. Напротив, для ряда стран христианского «Севера» прогнозируется замедление роста, старение населения или сокращение численности. Именно это соотношение лежит в основе тезиса Дженкинса о смещении религиозно-демографического центра христианства в регионы Глобального Юга. Однако для проверки устойчивости данного тезиса необходимо сопоставить прогнозные значения с более поздними фактическими данными.

Таблица 2

Сопоставление прогнозных значений на 2025 г. с фактическими демографическими данными 2024 г.

Страны	1975	2000	Прогноз на 2025 / факт 2024	Отклонение от прогноза, %
1 Индия	619	1006	1451 (+ 54)	(3 %)
2 Китай	918	1264	1419 (+24)	(1.69%)
3 США	215	282	345 (-13)	(3.77 %)
4 Индонезия	135	214	279 283 (+4)	(1.41%)
5 Пакистан	76	152	228 251 (+23)	(9.16%)
6 Эфиопия	33	64	140 132 (-8)	(6.06%)
7 Нигерия	64	123	197 232 (+5)	(2.16%)
8 Бразилия	109	176	211 (-20)	(9.48%)
9 Бангладеш	76	132	173 (-25)	(14.45%)
10 Конго	25	52	109 (-1)	(0.92%)
11 Филиппины	44	81	115 (-14)	(12.17%)
12 Мексика	61	100	130 (+18)	(13.85%)
13 Египет	37	65	116 (-22)	(18.97%)
14 Уганда	11	24	50 (-7)	(14%)
15 Вьетнам	48	79	100 (-2)	(2%)
16 РСФСР - Россия	135	147	144 (+16)	(14.04%)
17 Турция	41	67	87 (-3)	(3.45%)
18 Иран	33	69	91 (+1)	(1.1%)
19 Судан	16	34	50 (-13)	(26%)
20 Япония	112	127	123 (-5)	(4.07%)

Сравнение прогнозных и фактических данных показывает, что в большинстве случаев общая направленность прогноза Ф. Дженкинса сохраняет объяснительную силу: страны Глобального Юга продолжают демонстрировать значительный демографический потенциал, тогда как ряд стран Европы и Восточной Азии сталкивается со старением населения и снижением рождаемости. Вместе с тем таблица 2 показывает, что

степень отклонения по отдельным странам существенно различается. Это означает, что религиозно-демографический прогноз не может строиться только на исходных показателях фертильности и религиозной принадлежности. На фактическую численность населения влияют политические кризисы, миграция, государственная демографическая политика, эпидемиологические факторы, урбанизация, образование женщин и трансформация семейных установок.

Наиболее заметное отклонение по Египту связано с тем, что фактические показатели оказались ниже прогнозных примерно на 18,97 %. Это расхождение требует учёта социальных и политических факторов, которые могли повлиять на динамику рождаемости. Во-первых, на демографическую динамику могли повлиять политические потрясения 2011–2013 гг., связанные с событиями арабской весны и сменой политического режима. Во-вторых, существенное значение имела государственная политика планирования семьи. В 2017 г. были опубликованы религиозно-правовые разъяснения Аль-Азхара, согласно которым планирование семьи не противоречит исламской традиции. Подобные меры применялись и ранее, в том числе через социальную рекламу и государственные кампании, направленные на снижение темпов роста населения. В 2015 г. была предпринята программа «Два ребёнка на семью». Следовательно, прогноз демографического роста Египта оказался завышен не из-за ошибочности самой религиозно-демографической рамки, а из-за того, что последующая государственная и религиозно-правовая политика скорректировала репродуктивные установки населения.

Также в таблице, указанной выше, заметно значительное отклонение по Судану, составляющее около 26 %, что объясняется прежде всего политико-территориальными изменениями. В 2011 г. Южный Судан отделился, что привело к изменению демографической базы страны и сокращению численности населения примерно на 11 млн человек. Дополнительным фактором могли стать последствия пандемии COVID-19, особенно с учётом ограниченных ресурсов системы здравоохранения и трудностей статистического учёта смертности.

В Бангладеш, как и в Египте, меры по планированию семьи применялись ещё с 1960–1970-х гг. в рамках международных программ регулирования демографического роста. На последующих этапах, с 1974 по 2004 г., были разработаны законодательные механизмы внедрения программы, а в 2004–2012 гг. началось её активное институциональное распространение. С 2012 г. особое внимание уделялось школьному просвещению и деятельности центров планирования семьи (Ryazantsev, Smirnov and Ryazantsev, 2020: 28). Дополнительными факторами снижения темпов прироста населения стали урбанизация, рост уровня образования женщин и изменение их социальной роли (Lina, 2023: 50–57).

В отношении России Ф. Дженкинс приводит прогноз численности населения на уровне 128 млн человек к 2025 г., тогда как фактические данные указывают на показатель около 144 млн человек. Это расхождение показывает, что демографическая динамика России не может быть объяснена только исходными прогнозными параметрами. На неё повлияли миграционные процессы, возрастная структура населения, государственная демографическая политика, особенности смертности в период пандемии COVID-19 и другие социально-экономические факторы. Одним из рисков, на который обращал внимание Ф. Дженкинс, являлось распространение ВИЧ-инфекции. Данное предположение Ф. Дженкинса частично подтверждается статистическими данными, однако требует более широкой интерпретации.

Таблица 3

Прогрессия заболеваний ВИЧ в РФ

Год	Количество зарегистрированных заболеваний ВИЧ (за все время наблюдения)	Смертей (за все время наблюдения)
1994	887	265
1995	1090	266
1996	2603	272

1997	6918	779
1998	10889	1044
1999	30647	1758
2000	89808	3452
2001	177579	5327
2002	227502	6164
2003	263898	6744
2004	296045	7230
2005	300252	7235
2006	373718	16791
2007	403100	19924
2008	470676	35226
2009	530185	55618
2010	589581	66587
2011	650100	85163
2012	703781	125557
2013	703804	153211
2014	907607	184148
2017	943999	276660
2018	1326239	318870
2019	1423999	355160
2020	1492998	388230
2021	1137598	424974
2022	1168076	461879
2023	1197410	495358

Данные таблицы 3 подтверждают, что ВИЧ-инфекция действительно является значимым социально-демографическим фактором для России. Однако она не может рассматриваться как основное или единственное объяснение демографической динамики страны. Во-первых, приведённые показатели отражают накопленные данные за всё время наблюдения, поэтому их нельзя напрямую интерпретировать как ежегодную смертность. Во-вторых, демографическая динамика России определяется более широким комплексом факторов: последствиями демографического кризиса 1990-х гг., миграцией, возрастной структурой населения, изменением семейных установок, уровнем смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, а также социально-экономическими условиями. Следовательно, прогноз Дженкинса важен как указание на один из факторов риска, но его объяснительная сила ограничена без учёта более широкого демографического контекста.

Таким образом, сопоставление прогноза Ф. Дженкинса с последующими демографическими данными не опровергает его общий тезис о смещении религиозно-демографического центра христианства в сторону Глобального Юга, но показывает необходимость его уточнения. Демографическое будущее религиозных групп зависит не только от уровня религиозности и фертильности, но и от политических кризисов, миграции, семейной политики, урбанизации, образования, эпидемиологических факторов и институциональной устойчивости религиозных общин. Полученные данные позволяют предположить, что влияние религии на демографическое поведение реализуется преимущественно через систему социальных посредников — религиозную социализацию, общинную включённость, семейные нормы и институциональные механизмы поддержки семьи. Именно поэтому дальнейший анализ США, Европы и России строится не как простое сопоставление численности христианского населения, а как сравнение трёх моделей религиозно-демогра-

фической связи: институционально-общинной модели США, селективно-практической модели Европы и номинально-идентификационной модели России.

США: институционально-общинная модель влияния религии

Религиозно-демографическая ситуация в США занимает особое место в сравнительном анализе, поскольку американское общество сочетает процессы секуляризации с сохраняющейся общественной значимостью религии. В отличие от большинства стран Западной Европы, где религиозность всё чаще приобретает характер частной или культурной идентичности, в США религиозные организации продолжают выполнять заметные социальные функции: они участвуют в формировании семейных норм, поддерживают общинные связи, влияют на представления о браке, родительстве и репродуктивном поведении. По данным Religious Landscape Study, проведённого Pew Research Center в 2023–2024 гг., доля христиан среди взрослого населения США в последние годы остаётся относительно стабильной и составляет около 60–64 %, тогда как доля религиозно неафилированных колеблется в пределах 28–31 % (Pew Research Center, 2025). Эти данные позволяют рассматривать США не только как часть общего западного секулярного тренда, но и как самостоятельную региональную модель, в которой религия сохраняет институциональное и культурное значение.

Однако для анализа демографического поведения в США недостаточно фиксировать общую долю христианского населения. Американское христианство внутренне неоднородно: в нём представлены католики, основные протестантские церкви, евангельские протестанты, исторически афроамериканские церкви и другие группы, различающиеся по уровню религиозной практики, степени консервативности семейных установок и характеру общинной жизни. Поэтому религиозная принадлежность сама по себе не является достаточным объяснением рождаемости. Более значимыми оказываются регулярность участия в религиозной жизни, включённость в общину и нормативное влияние конкретной конфессии на повседневное поведение верующих.

В этом отношении американский материал хорошо соотносится с концепцией К. МакКуиллана, согласно которой религия влияет на рождаемость не автоматически, а при наличии определённых условий: религиозные институты должны формулировать нормы, относящиеся к браку, семье и репродуктивному поведению; обладать механизмами передачи этих норм; а сама религиозная принадлежность должна быть значимой частью социальной идентичности верующих (McQuillan, 2004: 25–56). США во многом соответствуют данной модели, поскольку религиозные общины часто выступают не только как место богослужения, но и как среда социальной поддержки семьи. Через общинные связи религиозные организации могут укреплять ценность брака, родительства, многодетности и устойчивых семейных отношений.

Именно поэтому американский случай можно определить как институционально-общинную модель влияния религии на демографическое поведение. В этой модели религиозность действует не только на уровне индивидуальной веры, но и через устойчивые социальные связи: участие в богослужениях, принадлежность к приходу или общине, семейную социализацию, поддержку единоверцев и одобряемые религиозной средой нормы брачного поведения. Иначе говоря, религия становится демографически значимой тогда, когда она встроена в повседневную жизнь и поддерживается социальными институтами.

Такой вывод подтверждается исследованиями Т. Фрейки и Ч. Вестоффа, которые рассматривают религию и религиозность как один из факторов, объясняющих более высокую рождаемость в США по сравнению с Европой. Авторы отмечают, что американские женщины в целом демонстрируют более высокий уровень религиозности, чем европейские, а католички и протестантки имеют более высокие показатели фертильности по сравнению с женщинами, не принадлежащими к какой-либо конфессии (Frejka, Westoff, 2008: 5–31). Однако эти данные следует интерпретировать не как прямое доказательство влияния конфессиональной принадлежности самой по себе, а как подтверждение роли религиозной вовлечённости и семейных норм, закреплённых в религиозной среде.

Для анализа США принципиально важно различать номинальную и практикующую религиозность. Номинальная религиозная идентичность может сохраняться как элемент культурной или семейной принадлежности, но не всегда определяет репродуктивное поведение. Напротив, практикующая религиозность предполагает регулярное участие в религиозной жизни, принятие конфессиональных норм и включённость

в общинную среду. Именно этот тип религиозности чаще связан с более традиционными представлениями о браке, родительстве и количестве детей. Данный вывод согласуется с позицией А. Адсеры, согласно которой посещение религиозных служб является более сильным предиктором репродуктивных намерений и поведения, чем простая самоидентификация с религиозной группой (Adsera, 2006: 205–221).

При этом влияние религии на рождаемость в США не является однородным. Оно различается в зависимости от конфессии, уровня образования, социально-экономического положения, этнической принадлежности, миграционного опыта и степени религиозной практики. Более консервативные христианские группы, как правило, сохраняют большую приверженность традиционным семейным нормам, тогда как либеральные христианские общины могут быть ближе к секулярным моделям семейного поведения. Поэтому методологически некорректно говорить о единой «христианской рождаемости» в США. Более точным является подход, при котором христианство рассматривается как внутренне дифференцированное религиозное поле, где демографическое поведение зависит от степени религиозной вовлечённости и силы общинных норм.

Таким образом, США представляют собой регион, где религиозность продолжает оказывать влияние на демографическое поведение, однако это влияние определяется не столько формальной конфессиональной принадлежностью, сколько регулярной религиозной практикой, силой общинных связей и нормативной позицией конкретной религиозной группы. Американский случай показывает, что в условиях модернизации и частичной секуляризации религия может сохранять демографическое значение, если она остаётся встроенной в повседневную жизнь, семейные нормы и социальные институты. Именно поэтому США можно рассматривать как пример институционально-общинной модели религиозно-демографической связи, отличающейся как от европейской модели селективного влияния религии среди практикующих верующих, так и от российской модели разрыва между номинальной религиозностью и демографическим поведением.

Если в США религия сохраняет демографическое значение благодаря развитой общинной инфраструктуре и сравнительно высокой роли религиозных институтов в семейной жизни, то европейский материал демонстрирует иную модель. Здесь религиозность в большей степени трансформируется из массовой конфессиональной принадлежности в индивидуализированную или культурную идентичность. Поэтому для анализа Европы ключевым становится различие между номинальными и практикующими верующими, а не только общая доля христианского населения.

Европа: селективно-практическая модель влияния религиозности на фертильность

В европейском контексте центральное значение имеет работа Д. Воаса, который уточняет представление о секуляризации Европы. В отличие от подходов, рассматривающих европейскую религиозность как единый процесс упадка традиционных церквей, Воас подчёркивает её неоднородность: в одних странах наблюдается снижение религиозной вовлечённости, в других — относительная стабильность или сохранение отдельных форм религиозной идентичности (Voas, 2009: 156). Поэтому европейский случай нельзя сводить к простой схеме «секуляризация — снижение рождаемости». Более продуктивным является анализ того, какие формы религиозности сохраняются и способны ли они влиять на семейное и репродуктивное поведение.

Для анализа религиозности Д. Воас использует несколько измерений, основанных на данных ESS: религиозные убеждения, религиозные практики и религиозную идентичность. Такое разграничение важно, поскольку оно позволяет отделить формальную принадлежность к религиозной традиции от реального участия в религиозной жизни. На основе данных ESS автор показывает, что изменения религиозности в Европе не могут быть объяснены только возрастными различиями. В отдельные периоды жизни — например, при вступлении в брак или рождении детей — уровень религиозной вовлечённости может изменяться. Однако в целом снижение религиозности имеет более длительный, межпоколенческий характер (Voas, 2009: 160).

Рассматривая европейскую религиозность не только как секуляризацию, но и как трансформацию религиозной идентичности, Д. Воас выделяет несколько типов номинальных христиан: тех, кто сохраняет христианскую принадлежность по семейной традиции; тех, для кого христианство выступает этнокультурным маркером; и тех, кто соотносит себя с церковью как с желаемой группой идентификации (Voas, 2009: 164). Данный подход показывает, что в Европе религиозная принадлежность всё чаще сохраняется как культурная или символическая идентичность, не всегда связанная с регулярной религиозной практикой.

Поэтому для анализа фертильности необходимо перейти от общей религиозной самоидентификации к различению номинальной и практикующей религиозности.

Таким образом, подход Д. Воаса позволяет рассматривать Европу как пространство преимущественно номинальной и культурно-идентификационной религиозности. Однако сам по себе этот подход не объясняет, сохраняет ли религия влияние на фертильность. Для ответа на этот вопрос необходимо перейти от анализа религиозной идентичности к анализу религиозной практики, поскольку именно регулярное участие в религиозной жизни может выступать механизмом сохранения традиционных семейных установок. В этом отношении исследование Н. Пери-Ротем дополняет позицию Д. Воаса и позволяет выделить европейскую модель как селективно-практическую: религия влияет на рождаемость не массово, а преимущественно внутри групп регулярно практикующих верующих. В исследовании Ницан Пери-Ротем «Религия и рождаемость в Западной Европе: тенденции по когортам в Великобритании, Франции и Нидерландах», в отличие от подходов, фиксирующих только общую религиозную идентичность, Н. Пери-Ротем показывает, что демографическое значение имеет прежде всего степень религиозной практики. (Peri-Rotem, 2016: 133). В одном из фрагментов Н. Пери-Ротем обращается к выводам Т. Фрейки и Ч. Вестоффа, согласно которым в Европе и США женщины, идентифицирующие себя как католички или протестантки, в среднем демонстрировали более высокие показатели фертильности по сравнению с женщинами, не относящими себя к какой-либо религии (Frejka, Westoff, 2008: 35). Как и Д. Воас, Н. Пери-Ротем различает религиозную принадлежность и религиозную практику, однако делает акцент именно на втором показателе. Это позволяет выявить различия между номинальными верующими и теми, кто регулярно участвует в религиозной жизни. При этом различия между конфессиями также имеют значение, поскольку католические, протестантские и иные религиозные группы могут по-разному интерпретировать нормы брака, развода, контрацепции и родительства. Одним из факторов различий могут выступать конфессиональные нормы, касающиеся брака, разводов и контрацепции, хотя степень их практического соблюдения существенно различается между странами и группами верующих. Однако эти различия проявляются прежде всего тогда, когда конфессиональная принадлежность сопровождается реальной религиозной практикой и включённостью в общину.

Подходы Д. Воаса и Н. Пери-Ротем согласуются с позицией К Маккуиллана, согласно которой отдельные функции религиозных общин способны оказывать влияние на фертильность населения, например, когда члены общины испытывают сильное чувство привязанности к религиозной общине или принадлежность к определенной религии имеет статус важного маркера. Либо, если религиозные организации имеют средства для передачи учений или информации для большего количества населения. Также, имея членство в определенной общине, люди тем самым пополняют социальный капитал, который, благодаря конфессиональным учениям может участвовать в поддержке молодой семьи (Philipov & Berghammer, 2007: 271-305; McQuillan, 2004: 25-56)

Этот вывод дополняется исследованием А. Адсеры, которая показывает, что в условиях снижения институционального влияния религии посещение церковных служб становится более значимым индикатором репродуктивных намерений и поведения, чем одна лишь религиозная принадлежность (Adsera, 2006: 205-221). Кауфман, как и Д. Воас подчеркивает, что различие между пассивными и активными представителями определенной конфессии влияют на разницу в фертильности (Kaufmann, Goujon & Skirbekk, 2012: 69-71)

Таким образом, Н. Пери-Ротем выдвигает гипотезу о том, что более религиозные и регулярно практикующие женщины с большей вероятностью вступают в первый репродуктивный переход, тогда как нерелигиозные женщины имеют более высокую вероятность остаться бездетными. Анализ построен на данных GGP для Нидерландов и Франции и ВНПС для Великобритании. При формировании выборки и анализе данных учитывались уровень образования, материальное положение, миграционный статус и репродуктивный возраст женщин (Peri-Rotem, 2016: 241).

Где $\log[P(t)/1 - P(t)]$ - это логарифм шансов наступления первого рождения в заданном году (t). А представляет собой постоянный член, x_j - это фиксированные временные переменные, а $x_i(t)$ обозначает набор изменяющихся во времени ковариатов, значения которых могут меняться от года к году. Набор фиксированных временных переменных включает объединенную переменную религиозной группы, наивысший достигнутый уровень образования и рождение (как определено выше). К изменяющимся во времени ковари-

атам относятся семейное положение, которое состоит из четырех категорий: холост, в сожительстве, женат и разведен/разлучен/вдов. Для подтверждения снижения религиозности Европы Ницан Пери-Ротем приводит обзор на данные VHPS и GGP в следующих схемах:

Рисунок 1

Религиозная принадлежность по возрастным группам с учетом удельного веса населения в отдельных странах. (А) Великобритания, (Б) Франция, (В) Нидерланды (Peri-Rotem, 2016:238).

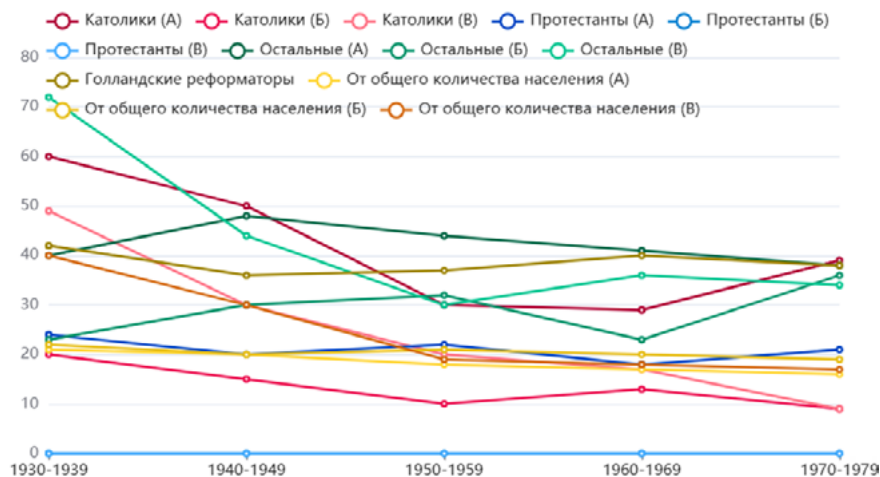
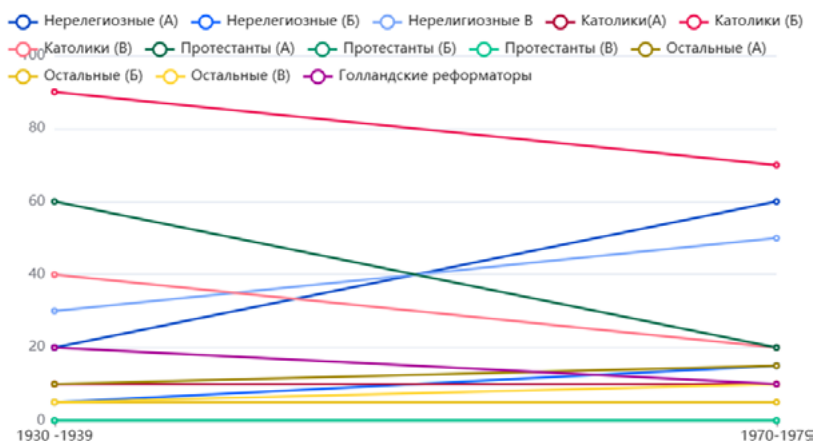

Рисунок 2

Доля регулярно посещающих религиозные службы по конфессиям и возрастным группам с учетом удельного веса населения в каждой стране. (А) Великобритания, (Б) Франция, (В) Нидерланды (Peri-Rotem, 2016:245).

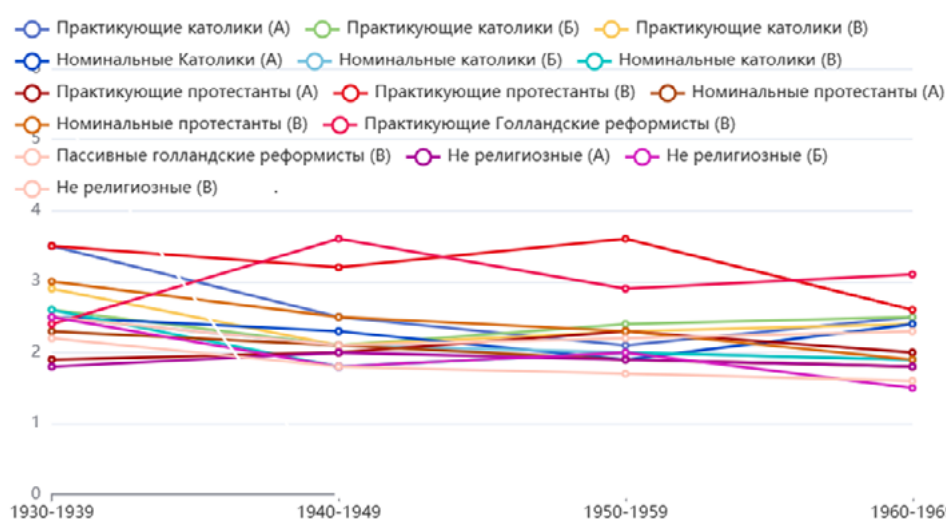

Как и в случае с религиозной принадлежностью, доля религиозно активных людей намного меньше среди молодых когорт. В то время как более пятой части самых старших когорт в Британии и Франции регулярно посещают церковь, их доля среди самых молодых когорт снижается до 11 % в Британии и всего до 8 % во Франции. В Нидерландах уровень посещаемости немного выше и составляет почти 40 % среди самой старшей группы, а среди самой молодой группы он снижается до 13 %. Более того, спад религиозной практики среди католиков, по-видимому, более крутой по сравнению с другими религиями. Это похоже на тенденции, обнаруженные в США, которые были отчасти приписаны растущему несогласию с церковными учениями о сексуальности (Hout & Greeley, 1987:325-345; Jenkins, 2011: 25-50). Как и в общей популяции, группа других религий также показывает спад посещаемости служб среди более молодых возрастных когорт, за

исключением Франции, где эта группа не показывает устойчивой тенденции. Тем не менее темпы снижения в каждой стране, по-видимому, замедляются, поскольку показатели посещаемости для когорты 1970–1979 годов не сильно отличаются от тех, кто родился на десятилетие раньше. Эти результаты соответствуют недавним исследованиям, показывающим, что снижение посещаемости религиозных служб в Западной Европе выравнивается среди более молодых когорт (Kaufmann, Goujon & Skirbekk, 2012) Центральным анализом работы Ницан Пери-Ротем являются данные, которые выражены в следующем линейном графике:

Рисунок 3

Дети, когда-либо рожденные, по возрастным группам женщин и религиозным группам (описательные данные с использованием весов, характерных для страны) [постоянные посетители в каждой группе классифицируются как «Практикующие» (не реже одного раза в месяц), а нерегулярные посетители (реже одного раза в месяц) классифицируются как «Номинальные»]. А Великобритания, Б Франция, В Нидерланды (Peri-Rotem, 2016: 246)

На графике видно, что наименьшие показатели фертильности демонстрируют нерелигиозные группы в трёх странах; промежуточное положение занимают номинальные верующие, а наиболее высокие показатели характерны для практикующих представителей различных конфессий. Важно учитывать, что Н. Пери-Ротем различает вероятность первого рождения и фактическое наступление первого рождения в разных возрастных когортах. Первое утверждение относится к медианному возрасту заключения брака, и вероятность последующих родов может варьироваться. Так, например, возраст вступления в брак у католических женщин намного выше протестантских в связи с антиразводной доктриной католической церкви. Поэтому и возможная дальнейшая фертильность меньше в связи с уменьшением воспроизводящего возраста у католических женщин. Результаты ретроспективного анализа, проведённого Н. Пери-Ротем, подтверждают гипотезу о том, что более религиозные женщины склонны к более традиционному семейному поведению и, вследствие этого, к большей фертильности (Peri-Rotem, 2016: 257)

Методологическое значение исследования Н. Пери-Ротем заключается в переходе от анализа религиозной принадлежности к исследованию поведенческих различий между номинальными и практикующими верующими. Повторный сбор данных и ретроспективный анализ последующих когорт позволят более точно определить современные тенденции фертильности в данных группах. В случае подтверждения результатов по когортам 1989-1999, 2000–2009 годов нами может быть использован подход автора, который заключается в следующем. Отбор групп – номинальных и практикующих религиозных, формирование статистики вступления в брак у данных двух групп с последующим анализом вероятного и фактического первого деторождения и сравнения с предыдущими результатами.

По данным, предлагаемым Ницан Пери-Ротем, можно увидеть варьирование связи между религиозно-

стью и фертильностью между тремя изучаемыми странами, следовательно, в данном ретроспективном анализе необходимо учесть социо-культурные различия, которые могут изменить значение практикующей религиозности в различных странах. Все три рассматриваемые страны характеризуются высоким уровнем секуляризации по сравнению со многими другими государствами Европы, однако степень и формы секуляризации между ними существенно различаются.

Анализ религиозных и демографических процессов в Европе показывает, что, вопреки прогнозам секуляризации, религиозность сохраняет влияние на семейное поведение. Филип Дженкинс утверждает, что христианство в Европе находится в упадке, уступая позиции религиозному «Югу». Однако исследование Дэвида Воаса показывает, что процесс секуляризации не линейный – религиозность не исчезает, а трансформируется. Более того, анализ Ницан Пери-Ротема демонстрирует, что практикующие христиане (католики, протестанты) имеют более высокий уровень рождаемости по сравнению с нерелигиозными группами, что подтверждает влияние религии на демографию. Однако этот эффект ослабевает среди молодых поколений, что может привести не к полному исчезновению религии, а к её изменению – переходу от массовой религиозности к более осознанной и персонализированной вере.

Таким образом, европейский материал позволяет выделить селективно-практическую модель влияния религиозности на демографическое поведение. В отличие от США, где религия сохраняет более выраженную институционально-общинную роль, в Европе её влияние становится более узким и избирательным. Формальная христианская идентичность всё чаще выступает как культурная, семейная или историческая самоидентификация и не всегда определяет репродуктивное поведение. Однако среди регулярно практикующих верующих религиозные нормы продолжают влиять на представления о браке, родительстве и количестве детей. Следовательно, для Европы объяснительным фактором является не общая доля христианского населения, а степень религиозной практики и включённости в религиозную общину. Именно в этом смысле данные Н. Пери-Ротем дополняют позицию Д. Воаса: религия в Европе не исчезает, но её демографическое влияние концентрируется в более узких группах практикующих верующих.

Если европейская модель показывает сужение демографического влияния религии до круга практикующих верующих, то российский случай требует отдельного рассмотрения. В России после советского периода наблюдалось восстановление религиозной самоидентификации, однако этот процесс не привёл к устойчивому повышению рождаемости. Поэтому российский материал позволяет проверить, достаточно ли роста декларируемой религиозности для изменения демографического поведения, или решающее значение имеют глубина религиозной социализации, институциональная включённость верующих и социально-экономические условия.

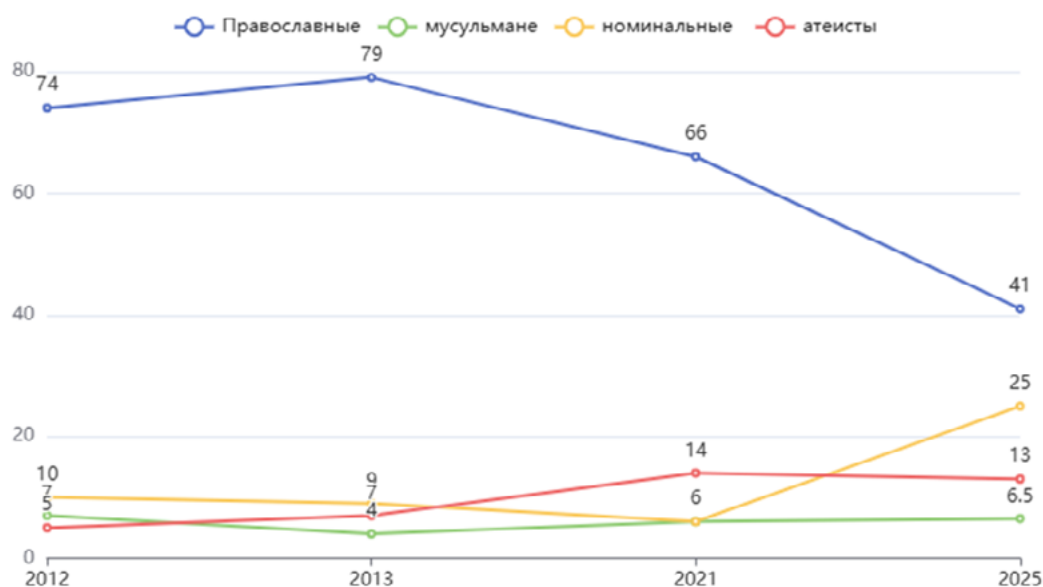
Россия: номинально-идентификационная модель связи религиозности и демографического поведения

Религиозная ситуация в Российской Федерации отличается от американской и европейской моделей тем, что после советского периода здесь наблюдался не столько рост устойчивой религиозной практики, сколько восстановление религиозной самоидентификации. По данным Левада-центра, с 1987 по 2007 г. доля населения, относящего себя к религиозным, увеличилась с 19 % до 64 %. Однако последующая динамика показывает усиление номинальной религиозности: религиозная принадлежность всё чаще выступает как культурный и идентификационный маркер, не всегда сопровождающийся регулярной религиозной практикой и прямым влиянием на семейное поведение.

Рисунок 4 отражает именно эту особенность российского контекста: рост религиозной самоидентификации не означает автоматического усиления поведенческого влияния религии. Поэтому российский материал требует разграничения между декларируемой религиозностью и религиозностью как устойчивой практикой, способной регулировать брачные и репродуктивные установки.

Рисунок 4

Религиозность в РФ 2012-2025 год, 2012 – данные Левада – центра, 2013 – РАН, 2021 – ВЦИОМ, 2025 – WPR

В то же время показатели фертильности в России не демонстрируют прямой связи с ростом религиозной самоидентификации. На 2025 г. суммарный коэффициент рождаемости приблизительно соразмерен уровню начала 1990-х гг. и составляет около 1,44 рождения на одну женщину. В 2000–2016 гг. наблюдался рост фертильности с 1,2 до 1,76, однако затем показатель вновь снизился. Следовательно, восстановление религиозной самоидентификации не может рассматриваться как самостоятельное объяснение демографической динамики России. На рождаемость одновременно влияют экономические кризисы, возрастная структура населения, государственные меры поддержки семьи, миграционные процессы и изменение репродуктивных установок.

В этом контексте показательна постановка вопроса у И.В. Забаева и В.И. Костровой: почему при росте доли населения, идентифицирующего себя с религией, уровень рождаемости не демонстрирует сопоставимого повышения (Zabaev, Kostrova, 2023: 109). Данный вопрос позволяет зафиксировать российский парадокс: религиозная самоидентификация усиливается, однако её демографический эффект остаётся ограниченным. Возможное объяснение заключается в том, что в России религиозность часто сохраняется на уровне культурной принадлежности и не всегда переходит в регулярную практику, религиозную социализацию и устойчивые семейные нормы. Поэтому снижение или рост фертильности в российском контексте нельзя объяснять только динамикой религиозности; оно связано с более широкими социально-экономическими и демографическими факторами.

Для уточнения этого вывода важна работа Е.В. Пруцковой, И.В. Павлюткина и О.Н. Борисовой, которые рассматривают религиозность как социальный, а не только индивидуальный феномен. Опираясь на подход Р. Старка, авторы показывают, что влияние религии на рождаемость связано не столько с фактом религиозной самоидентификации, сколько с социальным контекстом, силой религиозных институтов и первичной религиозной социализацией. В качестве значимых переменных они выделяют развитость религиозных институтов, структурно-экономические макропоказатели и социокультурные условия (Prutskova, Pavlyutkin and Borisova, 2023: 109).

Так же они выводят следующие гипотезы:

- 1) религиозность в целом положительно влияет на рождаемость;
- 2) в странах, где религиозность высокая в целом – связь религиозности и фертильности сильнее, так как религия играет социо – культурную роль;
- 3) связь между религиозностью и фертильностью сильнее в странах с секуляризацией, так как религиозным людям необходимо актуализировать свои маркеры;

4) связь религиозности и рождаемости сильнее в тех странах, в которых первичная религиозная социализация выражается сильнее.

На основе данных EVS Е.В. Пруцкова, И.В. Павлюткин и О.Н. Борисова подтверждают первую, вторую и четвёртую гипотезы, а также показывают различия между Западной, Восточной и Южной Европой. Для настоящего исследования особенно важно, что авторы подчёркивают значение первичной религиозной социализации, в частности опыта посещения храмов в детском и подростковом возрасте. Этот показатель аппроксимирует механизм влияния религии на семейные установки на приходском и общинном уровне. Соответственно, религиозность приобретает демографическое значение не только как мировоззрение, но и как опыт включения в религиозную среду, где формируются нормы брака, родительства и семейной ответственности.

Следовательно, при анализе демографической политики необходимо учитывать не только экономические меры поддержки семьи, но и символическое влияние религиозных институтов. Однако религиозный фактор не может рассматриваться как универсальный инструмент повышения рождаемости: его воздействие зависит от степени доверия к религиозным организациям, характера религиозной социализации и согласованности религиозных норм с государственной семейной политикой. В противоположной ситуации изменение официальной религиозной риторики и интерпретации семейно-репродуктивных норм может способствовать снижению рождаемости, что подтверждается примером Египта, где религиозное обоснование допустимости планирования семьи сочеталось с государственной демографической политикой.

Таким образом, российский случай позволяет выделить номинально-идентификационную модель связи религиозности и демографического поведения. Рост религиозной самоидентификации после советского периода не сопровождался устойчивым увеличением рождаемости, что указывает на ограниченность демографического влияния номинальной религиозности. В данном контексте религия часто выполняет культурно-идентификационную функцию, но не всегда становится повседневным регулятором брачного и репродуктивного поведения. Следовательно, российский материал показывает, что декларируемая религиозность сама по себе не является достаточным условием изменения демографических показателей. Для объяснения российской ситуации необходимо учитывать социально-экономические кризисы, миграционные процессы, государственную семейную политику, уровень доверия к институтам и степень первичной религиозной социализации. Именно поэтому Россия отличается как от США, где религиозность чаще поддерживается развитой общинной инфраструктурой, так и от Европы, где демографическое влияние религии концентрируется преимущественно среди практикующих верующих.

Результаты и обсуждение

Проведённый тематический обзор литературы и вторичный анализ демографических данных позволяют уточнить исходную гипотезу исследования. Религиозность действительно может быть связана с демографическим поведением, однако эта связь не является прямой и универсальной. Материалы по США, Европе и России показывают, что демографическое значение религии определяется не только численностью верующих или долей христианского населения, но и типом религиозности, степенью религиозной практики, силой религиозных институтов, характером религиозной социализации и социально-экономическим контекстом. Поэтому более корректно говорить не о единой зависимости между религиозностью и рождаемостью, а о нескольких региональных моделях религиозно-демографической связи.

Первым результатом исследования является выделение институционально-общинной модели, наиболее отчётливо проявляющейся в США. В данной модели религия сохраняет влияние на демографическое поведение благодаря тому, что она остаётся встроенной в повседневную социальную жизнь: религиозные общины поддерживают семейные нормы, формируют представления о браке и родительстве, обеспечивают социальную поддержку семьи и закрепляют ценность регулярного участия в религиозной жизни. Американский материал подтверждает положение К. МакКуиллана о том, что религия влияет на рождаемость тогда, когда обладает механизмами нормативного регулирования, передачи ценностей и общинной поддержки (McQuillan, 2004: 25–56). В этом отношении религиозность в США нельзя рассматривать только как индивидуальную веру или культурную принадлежность; она во многих случаях функционирует как социальный институт, способный воздействовать на семейное и репродуктивное поведение.

Вторым результатом является выделение селективно-практической модели, характерной для европейского контекста. В Европе формальная христианская идентичность всё чаще сохраняется как культурная, семейная или историческая самоидентификация, не всегда определяющая реальные семейные практики. Поэтому общая доля христианского населения постепенно утрачивает объяснительную силу при анализе рождаемости. Более значимым становится различие между номинальными и практикующими верующими. Исследования Д. Воаса показывают трансформацию европейской религиозности и ослабление массовой конфессиональной принадлежности (Voas, 2009: 155–168), тогда как данные Н. Пери-Ротем позволяют уточнить, что демографическое влияние религии сохраняется прежде всего среди регулярно практикующих верующих (Peri-Rotem, 2016: 231–265). Следовательно, европейская модель демонстрирует не полное исчезновение религиозного фактора, а сужение его влияния до тех групп, где религиозность выражена как устойчивая практика.

Третьим результатом является выделение номинально-идентификационной модели, проявляющейся в российском контексте. После советского периода в России наблюдалось восстановление религиозной самоидентификации, однако этот процесс не сопровождался устойчивым повышением рождаемости. Это позволяет говорить о разрыве между декларируемой религиозностью и демографическим поведением. Российский материал показывает, что религия часто выполняет культурно-идентификационную функцию, но не всегда становится повседневным регулятором брачных и репродуктивных установок. В этом отношении особенно важны выводы Е.В. Пруцковой, И.В. Павлуткина и О.Н. Борисовой, согласно которым влияние религии на рождаемость связано не только с индивидуальной верой, но и с социальным контекстом, силой религиозных институтов и первичной религиозной социализацией (Пруцкова, Павлуткин, Борисова, 2023: 103–126). Российский случай подтверждает, что рост номинальной религиозности сам по себе не является достаточным условием изменения демографических показателей.

Для обобщения полученных результатов целесообразно представить сравнительную типологию выявленных моделей.

Таблица 4

Региональные модели связи религиозности и демографического поведения

Регион	Тип модели	Преобладающий тип религиозности	Основной механизм влияния	Характер связи с рождаемостью
США	Институционально-общинная модель	Практикующая и институционально поддерживаемая религиозность	Общинная поддержка, религиозные нормы брака и родительства, конфессиональная социализация	Относительно выраженная связь среди религиозно активных групп
Европа	Селективно-практическая модель	Номинальная и индивидуализированная религиозность при сохранении практикующих меньшинств	Регулярная религиозная практика, включённость в общину, сохранение семейных норм внутри активных религиозных групп	Избирательная связь, выраженная преимущественно среди практикующих верующих
Россия	Номинально-идентификационная модель	Номинальная религиозная самоидентификация	Культурно-идентификационная функция религии, частичная религиозная социализация	Непрямая и нестабильная связь с рождаемостью

Представленная типология показывает, что один и тот же показатель религиозной принадлежности может иметь разное демографическое значение в разных обществах. В США религиозность чаще сохраняет связь с семейным поведением благодаря развитой общинной инфраструктуре и институциональной поддержке религиозных норм. В Европе религиозная принадлежность становится менее значимой как массовый социальный регулятор, однако регулярная религиозная практика продолжает влиять на установки в отношении

брака, родительства и рождения детей. В России рост религиозной самоидентификации не приводит к прямому демографическому эффекту, поскольку номинальная религиозность не всегда сопровождается устойчивой религиозной практикой и включённостью в религиозные институты.

Отдельного внимания требует вопрос о соотношении религиозности и государственной демографической политики. Анализ прогнозов Ф. Дженкинса и их сопоставление с последующими данными показывает, что демографические процессы не могут быть объяснены только религиозным фактором. Примеры Египта, Бангладеш, Судана и России демонстрируют, что на динамику населения влияют политические кризисы, миграция, программы планирования семьи, урбанизация, образование женщин, эпидемиологические факторы и изменение социально-экономических условий. Следовательно, религия может усиливать или ослаблять определённые демографические установки, но её влияние всегда опосредовано более широким социальным контекстом.

Полученные результаты позволяют критически уточнить тезис о связи религиозности и рождаемости. Простая формула «чем выше религиозность, тем выше рождаемость» не подтверждается в сравнительном анализе. Более обоснованным является вывод о том, что демографически значимой становится не религиозная принадлежность сама по себе, а религиозность, выраженная в практике, социализации, общинной включённости и институциональной поддержке семейных норм. Там, где религия остаётся частью повседневной жизни и социальной инфраструктуры, её влияние на семейное поведение выражено сильнее. Там, где религиозность сохраняется преимущественно как культурная идентичность, её демографическое значение оказывается ограниченным.

Таким образом, главный результат исследования заключается в выделении трёх региональных моделей религиозно-демографической связи. США демонстрируют институционально-общинную модель, Европа — селективно-практическую, Россия — номинально-идентификационную. Данная типология позволяет перейти от описательного сопоставления отдельных исследований к собственной аналитической интерпретации материала. Она показывает, что религия влияет на демографическое поведение не автоматически, а через конкретные социальные механизмы: религиозную практику, общинную поддержку, семейную социализацию, институциональное влияние религиозных организаций и взаимодействие с государственной политикой. Именно эти посредующие факторы определяют, становится ли религиозность реальным демографическим ресурсом или остаётся преимущественно символическим элементом культурной идентичности.

Заключение

Проведённое исследование позволило уточнить характер взаимосвязи между религиозностью и демографическим поведением населения США, Европы и России на примере христианства. Полученные результаты показывают, что влияние религии на рождаемость не является прямым и универсальным. Демографическое значение религиозности зависит не только от формальной религиозной принадлежности, но и от степени религиозной практики, силы религиозных институтов, характера религиозной социализации, общинной включённости и социально-экономического контекста.

На основе тематического обзора литературы и вторичного анализа данных были выделены три региональные модели религиозно-демографической связи. США демонстрируют институционально-общинную модель, при которой религия сохраняет влияние на семейное и репродуктивное поведение через общинную поддержку, регулярную практику, конфессиональные нормы и участие религиозных организаций в воспроизводстве семейных ценностей. Европа представляет селективно-практическую модель: в условиях секуляризации формальная христианская идентичность всё чаще приобретает культурный или исторический характер, однако среди регулярно практикующих верующих религиозные нормы продолжают влиять на установки в отношении брака, родительства и рождения детей. Россия отражает номинально-идентификационную модель, при которой рост религиозной самоидентификации после советского периода не сопровождается устойчивым повышением рождаемости, поскольку религия часто выполняет культурно-идентификационную функцию и не всегда становится повседневным регулятором демографического поведения.

Сопоставление этих моделей позволяет сделать вывод, что ключевым фактором является не сам факт принадлежности к христианству, а степень включённости религии в повседневную социальную жизнь. Там, где религиозность поддерживается регулярной практикой, общинной инфраструктурой и устойчивой религиозной социализацией, её влияние на семейное поведение выражено сильнее. Там, где религия сохраняется преимущественно как номинальная идентичность, её демографическое значение оказывается ограниченным.

Анализ также показал, что религиозно-демографические прогнозы требуют критической интерпретации. Сопоставление прогнозных и фактических данных подтверждает общий тезис о смещении демографического центра христианства в сторону стран Глобального Юга, однако одновременно показывает, что демографическая динамика зависит от широкого круга посредующих факторов: миграции, государственной семейной политики, политических кризисов, урбанизации, образования женщин, эпидемиологических рисков и социально-экономической стабильности. Следовательно, религия может быть значимым фактором демографического поведения, но её влияние всегда реализуется через конкретный социальный и институциональный контекст.

Таким образом, научное значение исследования заключается в переходе от описательного сопоставления религиозности и рождаемости к выделению региональных моделей их взаимосвязи. Предложенная типология позволяет более точно объяснить, почему сходные показатели религиозной принадлежности могут иметь разные демографические последствия в различных обществах. Перспективным направлением дальнейших исследований является более детальное изучение механизмов, через которые религиозная практика, первичная религиозная социализация, общинная включённость и государственная семейная политика совместно влияют на репродуктивные установки и демографическое поведение населения.

Литература

- Adsera, A. (2006). Marital fertility and religion in Spain, 1985 and 1999. *Population Studies*, 60(2), 205–221. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324720600684817>
- Frejka, T., & Westoff, C. F. (2008). Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe. *Population*, 24, 5–31. DOI: DOI:10.1007/s10680-007-9121-y
- Hout, M., & Greeley, A. M. (1987). The center doesn't hold: Church attendance in the United States, 1940–1984. *American Sociological Review*, 52(3), 325–345.
- Jenkins, P. (2011). *The Next Christendom*. The Oxford Press.
- Kaufmann, E., Goujon, A., & Skirbekk, V. (2012). The end of secularization in Europe? A sociodemographic perspective. *Sociology of Religion*, 73. The Oxford journals, 69–91.
- Lina, N. A. (2023). The Growth of Women's Education in Bangladesh. *AJET*, 2(3). E-Pally Publisher, Delaware, USA, 40–50. DOI:10.54536/ajet.v2i3.1276
- McQuillan, K. (2004). When does religion influence fertility? *Population and Development Review*, 30(1), 25–56. DOI:10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x
- Peri-Rotem, N. (2016). Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*, 32, 231–265. DOI: 10.1007/s10680-015-9371-z
- Philipov, D., & Berghammer, C. (2007). Religion and fertility ideals, intentions and behavior: A comparative study of European countries. *Vienna Yearbook of Population Research*, 5, 271–305. DOI:10.1553/populationyearbook2007s271
- Smith, G. A., Cooperman, A., Alper, B. A., Mohamed, B., Rotolo, C., Tevington, P., Nortey, J., Kallo, A., Diamant, J., & Fahmy, D. (2025). Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Leveled Off: Findings from the 2023–24 Religious Landscape Study. Pew Research Center. DOI: 10.58094/4kq-3112.
- Пруцкова Е.В., Павлюткин И.В., Борисова О.Н. (2023). Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2, 103—126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>.
- Рязанцев С.В., Смирнов А.В., Рязанцев Н.С. (2020). Демографические процессы и демографическая политика в Бангладеш. Экономическая социология и демография, *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, ISSN 2076-4685, 1-2.
- Voas, D. (2009). The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe. *European Sociological Review*, 25(2), 155–168. DOI:

10.1093/esr/jcn044.

- Забаяев, И.В., Кострова В.И. (2023). Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. Российский парадокс рождаемости, спецификация проблемы и разработка объясняющей гипотезы. Вып. 108. С. 89–111. DOI: 10.15382/sturI2023108.89-111
<https://dataunodc.un.org/content/country-list> - 01.03.2025
<https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203894057-12/birth-control-family-planning-population-gender-politics-reproduction-egypt-laura-bier> - 04.03.2025
https://www.youtube.com/playlist?list=PLxwmH-xqgi_eXPrmxGI5_mSdVS4VAURzP – 02.03.2025
<https://utppublishing.com/doi/abs/10.3138/jcfs.29.3.503> - 02.03.2025
<https://www.worldometers.info/world-population/south-sudan-population/> - 02.03.2025
<https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> - 02.03.2025
<https://www.worldometers.info/demographics/bangladesh-demographics/> - 02.03.2025
<https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> - 03.03.2025
<http://www.hivrussia.info/dannye-po-vich-infektsii-v-rossii/> - 04.03.2025
<https://data.who.int/countries/643-04.03.2025>
<https://database.earth/population/russian-federation/migration> - 10.03.2025
<https://ess.sikt.no/en/study/412db4fe-c77a-4e98-8ea4-6c19007f551b> -10.03.2025
<https://www.pewresearch.org/religion/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/> - 10.03.2025
<https://www.levada.ru/page/2/?s=%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> – 14.03.2025
<https://web.archive.org/web/20170220171912/http://www.levada.ru/2012/12/17/v-rossii-74-pravoslavnyh-i-7-musulman/> - 14.03.2025
<https://web.archive.org/web/20180618002553/https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> - 14.03.2025
<https://web.archive.org/web/20210608083716/https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-velikii-post-2021> - 14.03.2025
<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country#title> -14.03.2025
 Timelines Explorer - Data Commons – 14.03.2025
 Timelines Explorer - Data Commons – 14.03.2025
 Timelines Explorer - Data Commons – 14.03.2025

References

- Adsera, A. (2006). “Marital fertility and religion in Spain, 1985 and 1999”. *Population Studies*, 60(2), 205–221. DOI: <https://doi.org/10.1080/00324720600684817>
- Frejka, T., & Westoff, C. F. (2008). Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe. *Population*, 24, 5–31. DOI: DOI:10.1007/s10680-007-9121-y
- Hout, M., & Greeley, A. M. (1987). The center doesn't hold: Church attendance in the United States, 1940–1984. *American Sociological Review*, 52(3), 325–345.
- Jenkins, P. (2011). *The Next Christendom*. The Oxford Press.
- Kaufmann, E., Goujon, A., & Skirbekk, V. (2012). The end of secularization in Europe? A sociodemographic perspective. *Sociology of Religion*, 73. The Oxford journals, 69–91.
- Lina, N. A. (2023). The Growth of Women's Education in Bangladesh. *AJET*, 2(3). E-Pally Publisher, Delaware, USA, 40-50. DOI:10.54536/ajet.v2i3.1276
- McQuillan, K. (2004). When does religion influence fertility? *Population and Development Review*, 30(1), 25–56. DOI:10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x
- Peri-Rotem, N. (2016). Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*, 32, 231–265. DOI: 10.1007/s10680-015-9371-z
- Philipov, D., & Berghammer, C. (2007). Religion and fertility ideals, intentions and behavior: A comparative study of European countries. *Vienna Yearbook of Population Research*, 5, 271–305. DOI:10.1553/populationyearbook2007s271
- Prutskova E.V., Pavlyutkin I.V., Borisova O.N. (2023). Svyaz' religioznosti i rozhdaemosti v Rossii na fone drugih evropejskih stran: effekt social'nogo konteksta. [The relationship between religiosity and birth rate in Russia

- compared to other European countries: the effect of social context] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2, 103—126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>.
- Ryazancev S.V., Smirnov A.V., Ryazancev N.S. (2020). *Demograficheskie processy i demograficheskaya politika v Bangladesh*. [Demographic processes and population policy in Bangladesh]. *Economic sociology and demography, Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, ISSN 2076-4685, 1-2.
- Smith, G. A., Cooperman, A., Alper, B. A., Mohamed, B., Rotolo, C., Tevington, P., Nortey, J., Kallo, A., Diamant, J., & Fahmy, D. (2025). *Decline of Christianity in the U.S. Has Slowed, May Have Levelled Off: Findings from the 2023–24 Religious Landscape Study*. Pew Research Center. DOI: 10.58094/4kq-3112.
- Voas, D. (2009). *The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe*. *European Sociological Review*, 25(2), 155–168. DOI: 10.1093/esr/jcn044.
- Zabaev, I.V., & Kostrova V.I. (2023). *Rossiiskij paradoks rozhdaemosti, specifikaciya problemy i razrabotka ob»yasnyayushchej gipotezy*. [Russian fertility paradox, problem specification and development of an explanatory hypothesis]. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. Issue 108. PP. 89–111. DOI: 10.15382/sturI2023108.89-111
- <https://dataunodc.un.org/content/country-list> - 01.03.2025
- <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203894057-12/birth-control-family-planning-population-gender-politics-reproduction-egypt-laura-bier> - 04.03.2025
- https://www.youtube.com/playlist?list=PLxwmH-xqgi_eXPrmxGI5_mSdVS4VAURzP - 02.03.2025
- <https://utppublishing.com/doi/abs/10.3138/jcfs.29.3.503> - 02.03.2025
- <https://www.worldometers.info/world-population/south-sudan-population/> - 02.03.2025
- <https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> - 02.03.2025
- <https://www.worldometers.info/demographics/bangladesh-demographics/> - 02.03.2025
- <https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-tracker> - 03.03.2025
- <http://www.hivrussia.info/dannye-po-vich-infektsii-v-rossii/> - 04.03.2025
- <https://data.who.int/countries/643>-04.03.2025
- <https://database.earth/population/russian-federation/migration> - 10.03.2025
- <https://ess.sikt.no/en/study/412db4fe-c77a-4e98-8ea4-6c19007f551b> -10.03.2025
- <https://www.pewresearch.org/religion/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/> - 10.03.2025
- <https://www.levada.ru/page/2/?s=%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> - 14.03.2025
- <https://web.archive.org/web/20170220171912/http://www.levada.ru/2012/12/17/v-rossii-74-pravoslavnyh-i-7-musulman/> - 14.03.2025
- <https://web.archive.org/web/20180618002553/https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html> - 14.03.2025
- <https://web.archive.org/web/20210608083716/https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-velikii-post-2021> - 14.03.2025
- <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/religion-by-country#title> -14.03.2025
- Timelines Explorer - Data Commons – 14.03.2025
- Timelines Explorer - Data Commons – 14.03.2025
- Timelines Explorer - Data Commons – 14.03.2025

Вклад авторов.

Дуйсенбаева А.К. – написание текста статьи, техническое оформление, редактирование текста.

Айткужин Р.А. – написание текста статьи, обзор литературы,

Сутеева Х.А. – написание текста статьи, редактирование текста.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about the authors:

Albina Duissenbayeva – PhD, Associate Professor, Egyptian University of Islamic Culture Nur–Mubarak, Al-Farabi avenue, 73, 050016, Almaty, Kazakhstan, duissenbaevadka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4556-3152>

Альбина Дуйсенбаева– PhD, қауымд.профессор, Нұр – Мұбарак Египет ислам мәдениеті университеті, Әл-Фараби даңғылы, 73, 050016, Алматы, Қазақстан, duissenbaevadka@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4556-3152>

Альбина Дуйсенбаева – PhD, ассоц. профессор, Египетский университет исламской культуры Нур–Мубарак, пр. Аль-Фараби, 73, 050016, Алматы, Казахстан, duissenbaevadka@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4556-3152>

Ruslan Aitkuzhin – PhD student, Abai Kazakh National Pedagogical University, Dostyk avenue, 13, 050010, Almaty, Kazakhstan, soooosad@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7111-4165>

Руслан Айтқужин – докторант, Абай атындағы ҚазҰПУ, Достық даңғылы, 13, 050010, Алматы, Қазақстан, soooosad09@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7111-4165>

Руслан Айтқужин – докторант, КазНПУ имени Абая, пр. Достык, 13, 050010, Алматы, Казахстан, soooosad@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7111-4165>

Khanzada Suteeva – Doctor of Historical Sciences, Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, Dostyk avenue, 13, 050010, Almaty, Kazakhstan, suteeva51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9616-7387>

Ханзада Сутеева– тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы ҚазҰПУ, Достық даңғылы, 13, 050010, Алматы, Қазақстан, suteeva51@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9616-7387>

Ханзада Сутеева– доктор исторических наук, профессор, КазНПУ имени Абая, пр. Достык, 13, 050010, Алматы, Казахстан, suteeva51@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9616-7387>

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.02.2026

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.06.2026.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.06.2026